

СОЦИАЛЬНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ ЯЗЫКА И ВЕРБАЛЬНАЯ ДИНАМИКА ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО СООБЩЕСТВА

Н. Н. Трошина

*Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
(г. Москва, Россия)*

Аннотация. Констатируется отрицательная динамика в сфере русскоязычной коммуникации, соотносимая с социальными изменениями в обществе. Эта проблема рассматривается в статье с позиций социально-функциональной стратификации языка, учитывающей принадлежность участников коммуникации к различным социальным группам, в том числе и к малым, что позволяет проанализировать их социолингвистические характеристики. Это важно, поскольку малые социальные группы играют все более заметную роль в русскоязычной культуре, формируя собственные субкультуры и языковую моду. При этом ориентиром становится культура низших социальных групп, что обуславливает негативную направленность вербальной динамики.

Перспектива на качественное улучшение вербальной динамики связывается с формированием нового типа российского предпринимателя – предпринимателя-интеллектуала.

Ключевые слова: социально-функциональная стратификация языка, вербальная динамика, малые социальные группы, субкультура, лингвокультурное сообщество, языковая ситуация, дискурс, жаргонизмы.

SOCIO-FUNCTIONAL STRATIFICATION OF LANGUAGE AND VERBAL DYNAMICS OF LANGUAGE COMMUNITY

N. N. Troshina

*Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

Abstract. There is stating the negative dynamics in the sphere of Russian-speaking communication, which is correlated with socio-political changes in the society. This problem is considered in the article from the positions of socio-functional stratification of the language, which takes into account the affiliation of communication participants to different social groups, including the small ones. It allows to analyze their sociolinguistic characteristics. It is important since small social groups play a more and more prominent role in the Russian language culture, forming their own subcultures and language fashion. At the same time the culture of the lowest social groups becomes a guideline, which stipulates the negative tendency of verbal dynamics.

The prospect of qualitative improvement of verbal dynamics is connected with the formation of a new type of the Russian entrepreneur – an entrepreneur-intellectual.

Keywords: socio-functional stratification of the language, verbal dynamics, small social groups, subculture, language community, linguistic situation, discourse, jargonism.

Неблагополучие в сфере вербального общения ощущается и отмечается многими членами русскоязычного сообщества и соотносится с социальными изменениями в обществе [13]: все более допустимыми и даже популярными

считаются сниженные стилевые регистры общения, в связи с чем усиливается тенденция к «снижению коммуникативной компетенции граждан – владению ими необходимыми речевыми ресурсами (от языковых единиц до речевых жанров» [3, с. 111–112]. Исследуя проблему такой вербальной динамики, лингвисты обращаются к понятию социально-функциональной стратификации языка, которая выстраивается, прежде всего, на основе учета принадлежности участников коммуникации к малым социальным группам, члены которых «объединены общей деятельностью и находятся в непосредственном личном контакте, что является основой для возникновения как эмоциональных отношений в группе ..., так и особых групповых ценностей, и норм поведения» [14, с. 433]. Роль малых социальных групп в коммуникативном пространстве российского лингвокультурного сообщества в настоящее время существенно выросла. Сегодня их и, соответственно, их субкультуры образуют люди определенных профессий (например, юристы, врачи, специалисты в области компьютерных технологий и т. д.), интересов (спортивные фанаты, фанаты различных музыкальных групп), люди, принадлежащие к различным национальным и сексуальным меньшинствам, а также асоциальные элементы.

Для выявления вербальной динамики лингвокультурного сообщества очень важна динамика в соотношении роли этих субкультур и, прежде всего, само понятие субкультуры. Его дает Л. Г. Ионин, посвятивший этому феномену специальное исследование под названием «Парад меньшинств»: «Субкультуры, в самом широком смысле, – это группы, имеющие специфические ценности, модели поведения, вещный мир, язык, которые отличают их от других индивидов и групп в составе общей, или объемлющей культуры» [2, с. 39]. Отметим, что в этом определении указывается на роль языка в формировании имиджа субкультуры, выражении статусных и ролевых характеристик носителей конкретных субкультур в процессе функционирования языка, т.е. в речевых практиках его использования.

Комплексный учет социальных, социокультурных и прагмалингвистических факторов использования языка является основой социально-функциональной стратификации языка и позволяет выявить динамику языковых практик.

Субкультуры существуют даже в пределах общей для них сферы общения, например, в Интернете. Очень интересный материал на эту тему представлен в «Словаре языка Интернета.ru», вышедшего в серии «Словари для интеллектуальных гурманов» под редакцией М. А. Кронгауза [9]. В этом словаре предпринимается попытка профессионально (с лингвистическими комментариями) зафиксировать слова и выражения русского языка, ставшие актуальными для интернет-коммуникации за последние (примерно) 25 лет. Представлены субкультуры, языковая активность которых оказалась важна для сетевого русского языка в целом, поскольку их лексика становится широкоупотребительной, например: британские ученые в значении «научное сообщество, занимающееся абсурдными и бесполезными исследованиями» [9, с. 23], хомячок в значении «человек, которым легко манипулировать в Интернете, фанатичный бездумный поклонник идеи или известной личности» [9, с. 159].

Наиболее известны субкультуры падонков и геймеров, но есть и менее известные, хотя и очень агрессивные, например, граммар-наци, т. е. воинствующие пуристы русского языка. Эта субкультура существует с социальной сети «ВКонтакте». Их активная деятельность в Интернете заставляет говорить о другом аспекте вербальной динамики русского лингвокультурного сообщества – о динамике вербальной (языковой) рефлексии, т. е. о динамике осознанного отношения к своим и чужим высказываниям в плане их соответствия грамматическим, коммуникативным и этическим нормам данной лингвокультуры, причем на первый план выходит именно этический аспект этой динамики.

Выражение граммар-наци пришло из Англии в начале 1990-х годов как неполиткорректное и обозначало людей, «которые, пренебрегая интересами

коммуникации, обсуждают не заявленную тему, а ошибки в письменной речи собеседника. Для них характерно, прежде всего, желание исправлять речь собеседника, а не разговаривать с ним» [5]. Обращает на себя внимание, что слово наци было лишено пейоративной окраски и употреблялось в значении «воинствующий», например: *feminazi* «воинствующий феминист», *Wikipedia nazi* «воинствующий сторонник Википедии», *health nazi* «воинствующий сторонник здорового образа жизни» [9, с. 248]. Однако нацистский дух этой субкультуры ощущается в их символе: латинская буква G, стилизованная под нацистскую свастику на флаге Третьего рейха. Заявленная граммар-наци благородная цель – защита русского языка – реализуется ими в ресурсах Интернета агрессивными способами с использованием стратегий хейтерства, т. е. формы межличностной ненависти (от англ. *to hate* «ненавидеть») – клеветы, издевательств, провокаций, вербальных оскорблений. Дело доходит до так называемого лингвистического троллинга, т.е. «размещения сообщений, призванных разжечь конфликт между пользователями на форумах, чатах, в комментариях в записях в блогах» [10]. Они так энергично борются с грамматическими ошибками, что нередко прибегают к угрозам расправы с неграмотными авторами.

В 2013 году в Интернете появилась так называемая «Тайная орфографическая полиция», т. е. волонтерское движение, которое занимается исправлением ошибок в публичной речи, – на плакатах, вывесках, в объявлениях, баннерах – и сообщают об этом в государственные органы. Таким образом данная субкультура реагирует на действительно существующую отрицательную вербальную динамику в русском лингвокультурном сообществе: «За несколько месяцев своего существования "полиция" собрала 269 ошибок, более половины уже исправлены. Большая часть орфографических ошибок - слитное и раздельное написание *не* и *же*. Синтаксических – отсутствие запятых при выделении причастных и деепричастных оборотов, неправильная пунктуация в сложносочиненных и сложноподчиненных предложениях. Но встречаются и нетривиальные примеры: БизнесС ланч; Абрикос, протертАЯ с сахаром, Разовые пропуска сдаются контрАлеру» [6].

Стилевые особенности малой социальной группы (меньшинства), личностные качества ее членов неизбежно проявляются в их речевом поведении, влияя на процессы, протекающие в культуре, причем роль таких групп в коммуникативной структуре общества усиливается: сегодня именно они формируют языковую моду. Важно иметь в виду, что источником смены любой моды, в том числе и языковой, являются изменения в статусной иерархии общества и, соответственно, в коммуникативной структуре лингвокультурного сообщества. Изменения в этом отношении отражают вербальную динамику его развития и изменения языковой ситуации в целом, т. е. «той общественной ситуации, в которой находится язык в определенной стране или на определенной территории в течение определенного хронологического периода при определенных политических, социальных, экономических и, особенно, культурных условиях» [15, с. 19].

Динамика современных социокультурных процессов делает границы между малыми социальными группами проницаемыми как никогда прежде, а турбулентность этих процессов способствует тому, что формирование языковой моды (как и моды вообще) [12] основывается сегодня на «перевернутом иерархическом принципе: Если раньше 'производителем' модных стандартов была социальная элита, которая воспитывала 'потребителя' (другие классы), будучи для них неким социокультурным стилевым эталоном, то сегодня ориентиром в моде могут становиться и часто становятся элементы культуры 'низших классов' [2, с. 38]. В такой ситуации следует говорить о признаках изменения культурной парадигмы общества, т.е. о трансформации «набора паролей эпохи, ключевых слов, общего типа семиотических отношений» [1, с. 11–12]. Языковая мода низших субкультур формирует их языковую компетенцию, а языковой стиль – их дискурсивную

компетенцию. Оба эти вида компетенции, предполагающие владение сниженными стилевыми регистрами (в частности, жаргонизмами) и публичное их использование часто маркируют сегодня высокий социальный статус говорящего и целых социальных групп. В качестве примера М. А. Кронгауз приводит «карьерный взлет» слова беспредел в выражении террористический беспредел, которое проникло в официальную речь и уже используется даже в заявлении МИД РФ, по поводу чего М. А. Кронгауз замечает: «Поразительно, как легко слово беспредел преодолело лагерные границы (ведь изначально это слово описывало особую ситуацию в лагере, когда нарушаются неписанные лагерные правила) и вошло в официальный язык» [4, с. 20]. Такие изменения в векторе формирования языковой моды и речевых практик свидетельствуют о явно отрицательной тенденции в вербальной динамике общества. Налицо маргинализация отдельных социальных групп и криминализация массового сознания, что проявляется в распространившемся восхищении жаргоном, во все более частом использовании жаргонизмов в публичной речи. Этот процесс проходит несколько этапов и, наконец, завершается включением жаргонной лексики в словари современного языка без каких-либо ограничительных помет.

Это нарушает «лингвоэкологический баланс сегодняшнего дня» [7, с. 47; цит. по: 8, с. 96]. А. П. Сковородников прослеживает путь вхождения жаргонизмов в литературный русский язык, отмечая изменения оценки этой лексики лингвистами, занимающимися проблемами культуры речи и лингвоэкологии. Выделенные этапы соответствуют этапам появления и становления моды на жаргонизмы:

«1) жаргонные слова и выражения, употребляемые в газетных текстах, но еще не зафиксированные лингвистическими словарями;

2) жаргонные слова и выражения, употребляемые в газетных текстах и включенные в словари жаргонов, но не зафиксированные толковыми словарями современного русского языка;

3) жаргонные слова и выражения, употребляемые в газетных текстах и зафиксированные не только в словарях жаргонов, но и в толковых словарях современного русского языка с пометой жарг.;

4) жаргонные слова и выражения, употребляемые в газетных текстах и зафиксированные словарями жаргонов и словарями современного русского языка с пометами жрр., разг.-сниж. и разг.;

5) жаргонные слова и выражения, употребляемые в газетных текстах и зафиксированные как в словарях жаргонов, так и хотя бы в одном из толковых словарей современного русского языка без ограничительных помет» [8, с. 101].

Эти «новации» в коммуникативных практиках, сопровождающиеся «преобладанием эмоционального компонента над рациональным в вербальных реакциях» [3, с. 108], характеризуют недостаточное развитие дискурсивной компетенции членов лингвокультурного сообщества и приводят, в конечном счете, к девербализации членов этого сообщества.

Существует ли для русского лингвокультурного сообщества перспектива положительной вербальной динамики?

Для ответа на этот вопрос необходимо вернуться к проблеме составляющих культурной парадигмы общества как «культурного кода, определяющего мировосприятие, мышление и поведение людей, ведущего способа бытия, языка и материального мира» [1, с. 10–11]. Выделяются следующие структурные элементы культурной парадигмы:

«1. Субъект — творец и носитель культурной парадигмы. Это конкретные люди, объединенные общей социокультурной эпохой, одним временем, в котором они живут и осуществляют свою культуротворческую деятельность.

2. Общность жизни, судьбы, культурно-исторической миссии данного субъекта, которые находят свое выражение в ведущем типе отношений при решении общих смысложизненных задач.

3. Наличие общей социокультурной эмоции, общего жизненного настроения.

4. Самосознание субъекта культурной парадигмы, связанное с обретением самоидентичности, истинных смыслов своего социокультурного бытия.

5. Особая ценностная иерархия, система значимостей базовых ценностей для решения жизненных задач субъекта культурной парадигмы.

6. "Духовные лидеры" эпохи, так называемые великие люди своего времени, процесс самоидентификации которых изоморфен такому процессу в отношении всей эпохи. Это люди, которые дают эпохе возможность осознания себя, дают слова для самоназвания эпохи, формулируют и декларируют те смысложизненные задачи, способы решения которых являются стержнем культурной парадигмы.

7. Культурный герой эпохи — не столько реальный живой человек, именуемый собой эпоху, сколько образ-идеал, выступающий для эпохи образцом стиля жизни.

8. Единый, общий для всей эпохи символический ряд – набор "паролей" эпохи, набор ключевых слов и вещей, общий тип семиотических отношений.

9. Парадигмальные (прецедентные, или репрезентативные) тексты, выступающие ведущим мифом эпохи» [1, с. 11–12].

Для темы настоящей статьи особенно интересна составляющая «культурный герой эпохи». Кто же сегодня является таким героем? Поскольку к важнейшим задачам современной России относится развитие предпринимательства, то «культурного героя эпохи» следует искать среди наших предпринимателей. В этом отношении очень интересное исследование «От Чичикова до Ходорковского: Предприниматели в дискурсе русской литературы и российских масс-медиа» провела Марина Смышляева [16]. В этом исследовании уточняется понятие культуры применительно к обществу переходного периода: культура понимается «не как стабильная, неизменная величина, а как ресурс живых ценностей и установок, которые не только находят выражение на уровне семиозиса, но и формулируются и легитимируются в нем» [16, с. 13]. В современных социокультурных и коммуникативных условиях установки формируются, прежде всего, в медиальном дискурсе, «соединяются с литературным и историческим дискурсами; литература как самостоятельный дискурс в его синхронном и диахронном аспектах была встроена в публицистический дискурс» [16, с. 32].

Исследование М. Смышляевой выявило, что концепт ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ эволюционировал в положительную сторону по сравнению с однозначно негативно коннотированным концептом, выстроенным в дискурсе русской классической литературы: сегодня в этот концепт входят не только отрицательные, но и положительные стилистические параметры. Как следует из дискурсивного анализа, выполненного М. Смышляевой, в России постепенно начинает по-новому восприниматься значение и функция предпринимательства. В этой связи происходит частичный пересмотр традиционных негативных представлений о предпринимателях: их образ постепенно улучшается. Эти изменения происходят в связи с перестройкой в иерархии дискурсов, т.е. с выдвиганием на первые позиции медийных жанров и публицистики как института, имеющего наибольшее влияние на формирование общественного мнения.

Наряду с такими типами предпринимателей, как «олигарх» «авантюрист», «уголовник», формируется тип предпринимателя-интеллектуала. Его образ как представителя российского среднего класса противопоставлен образам других российских предпринимателей, потому что предприниматель-интеллектуал является носителем того морального кодекса, тех ценностей и того стиля вербального общения, которые были свойственны русской интеллигенции. Именно так он выглядит в дискурсе современной русской литературы и в российских массмедиа. Нередко эти люди кажутся странными, «не от мира сего», так что не случайно М. Смышляева называет в качестве их литературных прототипов грибоедовского Чацкого и

булгаковского Мастера. Именно с этим типом предпринимателя связываются в исследуемых дискурсах надежды на успешное будущее России.

Образ такого предпринимателя-интеллектуала со всей очевидностью воплотился в фигуре создателя мессенджера Telegram Павла Дурова, в поддержку которого выступили прогрессивные круги российской интеллигенции и бизнеса, и позиция которого позволяет ожидать положительной динамики не только в области бизнеса, но и всего российского лингвокультурного сообщества.

Список источников и литературы

1. Бакач Н. Б. Культурная парадигма как объект социально-философского анализа: Автореф. дис. канд. ... филос. наук. Волгоград, 1998. 21 с.
2. Ионин Л. Г. Парад меньшинств. М.: Гнозис, 2014. 176 с.
3. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. Волгоград, 2010. 421 с.
4. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. – 2-е изд., 2009.
5. Кронгауз М. А. Самоучитель олбанского. М., 2013. 416 с. URL: http://wiki-org.ru/wiki/%D0%93%D1%80%D0%BC%D0%BC%D0%BD%D0%BD%D1%86%D0%B8#.Do.98.D1.81.D1.82.Do.BE.D1.80.Do.B8.D1.8F_.D1.82.Do.B5.D1.80.Do.BC.Do.B8.Do.BD.Do.Bo (Reference date: 10.10.2018).
6. Ростовский Г. Тайная орфографическая полиция // Российская газета. М., 19.04.2014. URL: <https://yandex.ru/video/search?text=%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%93.%20%D1%82%D0%BD%D0%B9%D0%BD%D0%BD%D1%8F%20%D0%BE%D1%80%D1%84%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%BD%D1%84%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B8%D1%8F&path=wizard&noreask=1> (Дата обращения: 12.09.2018).
7. Савельева Л. В. Языковая экология: Русское слово в культурно-историческом освещении. – Петрозаводск, 1997. 144 с.
8. Сковородников А. П. Экология русского языка. – Красноярск, 2016. 385 с.
9. Словарь языка Интернета.ru / Под ред. Кронгауза М.А. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. – 288 с. (Словари для интеллектуальных гурманов).
10. Станкевич В. Что такое троллинг? стереотип. М., 2009. 232 с.
11. Трошина Н. Н. Культура языка и языковая рефлексия. М., 2010. 61 с.
12. Трошина Н. Н. Мода и коммуникативные практики лингвокультурного сообщества // Язык и мода. М., 2017. С. 5–27.
13. Трошина Н. Н. Языковая культура как предмет общественного интереса // язык и культура: Сб. обзоров. М., 1999. С. 88–109.
14. Язык и общество: Энциклопедия. / Гл. Ред. Михальченко В. Ю. М., 2016. 872 с.
15. Scharnhorst J. Sprachsituation und Sprachkultur als Forschungsgegenstand // Sprachsituation und Sprachkultur im internationalen Vergleich: Aktuelle Sprachprobleme in Europa. Mit Geleitwort von E. Ising. Frankfurt a. M.: Lang, 1995. S. 13–34.
16. Smyshliaeva M. Von Čičikov bis Chodorkovskij: Unternehmer im Literaturund Mediendiskurs Russlands. Berlin: Frank & Timme, 2013. 296 S.

References

1. Bakach N. V. *Kul'turnaya paradigma kak obyekt social'no-filosofskogo analiza: Avtoref. dis. kand. ...filos. nauk* [Cultural paradigm as an object of socio-philosophical analysis]: Author's abstract of the PhD dissertation. Volgograd, 2010. 21 p. [In Russian].
2. Ionin L. G. *Parad men'shinstvu* [Minorities' parade]. M: Gnozis, 2014. 176 p. [In Russian].

3. Karasik V. I. *Jazykovaya kristallizaciya smysla* [Language crystallization of sense]. Volgograd: Paradigma, 2010. 421 p. [In Russian].
4. Krongauz M. A. *Russkiy jazyk na grani nervnogo sryva*. [Russian on the verge of the nervous breakdown] 2nd. ed., stereot. M: Jazyki slavyanskikh kul'tur, 2009. 232 p. [In Russian].
5. Krongauz M. A. *Samouchitel' Olbanskogo* [Self-teacher in Olbansky]. Moscow, 2013. 416 p. [In Russian].
URL:http://wikiorg.ru/wiki/%D0%93%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%B0%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8#.Do.98.D1.81.D1.82.Do.BE.D1.80.Do.B8.D1.8F_.D1.82.Do.B5.D1.80.Do.BC.Do.B8.Do.BD.Do.Bo (Reference date: 10.10.2018)
6. Rostovsky G. *Taynaya orfograficheskaya policiya* [Secret orthographic policy]. In: Rossiyskaya gazeta [Russian newspaper]. Moscow, 19.04.2014. URL: <https://yandex.ru/video/search?text=%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%93.%20%D1%82%D0%B0%D0%B9%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%BE%D1%80%D1%84%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%84%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B8%D1%8F&path=wizard&noreask=1> (Reference date: 12.09.2018)/ [In Russian].
7. Savel'yeva L. V. *Jazykovaya ekologiya v kul'turno-istoricheskom osveshchenii* [Language ecology: Russian word in cultural-historical context]. Petrozavodsk: Kar. gos. ped. un-t, 1997. 144 p. [In Russian].
8. Skovorodnikov A. P. *Ekologiya russkogo jazyka*. [Ecology of Russian language]. Krasnoyarsk: Sib. fed. un-t, 2016. 385 p. [In Russian].
9. *Slovar' yazyka Interneta.ru* [The dictionary of the Internet.ru language]. Ed. by Maksim, A. Krongauz. M.; AST-PRESS KNIGA, 2016. 288. p. Stankhevich, V. *Chto takoye trolling?* [What is trolling?]. Mode of access: <http://old.kv.by/index2008461104.htm> [In Russian].
10. Stankevich V. *Chto takoye trolling? Stereotip* [What is trolling? stereotype]. M., 2009. 232 p. [In Russian].
11. Troshina N. N. *Kul'tura jazyka i jazykovaya refleksiya: Analit. Obzor* [Language culture and language reflection: Scientific reference]. M: 2010. 61 p. [In Russian].
12. Troshina N. N. *Moda i kommunikativnyye praktiki linvokul'turnogo soobshchestva* [Fashion and communicative practices of language community]. In: *Yazyk i moda: Sb. statej*. M.: INION RAN, 2017. Pp. 5–27. [In Russian].
13. Troshina N. N. *Jazykovaya kul'tura kak predmet obschestvennogo interesa* [Language culture as a subject matter of public interest]. In: *Jazyk i kul'tura: Sb. obzorov*. M.: INION RAN, 1999. Pp. 88–109. [In Russian].
14. *Yazyk I obschestvo: Enciklopediya* [Language and society: Encyklopedia]. Ed. by Mihalchenko V. Yu. Moscow: 2010. 872 p. [In Russian].
15. Scharnhorst J. *Sprachsituation und Sprachkultur als Forschungsgegenstand // Sprachsituation und Sprachkultur im internationalen Vergleich: Aktuelle Sprachprobleme in Europa. Mit Geleitwort von E. Ising*. Frankfurt a. M.: Lang, 1995. S. 13–34.
16. Smyshliaeva M. *Von Čičikov bis Chodorkovskij: Unternehmer im Literatur- und Mediendiskurs Russlands*. Berlin: Frank & Timme, 2013. 296 S.

Сведения об авторе

Трошина Наталья Николаевна –
ведущий научный сотрудник
отдела языкознания Института научной
информации по общественным наукам
Российской академии наук
(e-mail: troshinat@mail.ru).

Information about the Author

Troshina Natalia Nikolaevna,
Leading researcher of the Institute of
Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences
(e-mail: troshinat@mail.ru).